

Глава 124. Глава клана Хэхуань приручила холодного мечника (06)

Как раз в этот момент у входа в библиотеку слышались легкие, быстрые шаги, а вслед за ними раздался звонкий голос: — Глава, пора обедать! Сегодня готовили всё, что вы любите: ароматную жареную рыбу и жареную...

— ...курицу...

А-Цзо, продолжая говорить, перешагнул порог, но не успел договорить, как наткнулся на эту сцену — два человека, тесно прижавшиеся друг к другу.

Он мгновенно замолчал, в панике развернулся и собрался уносить ноги.

Всё пропало!

Он испортил главе дело!

Но едва он сделал шаг, как сзади раздался ленивый, но властный голос: — Вернись.

А-Цзо замер на месте, ему ничего не оставалось, как снова развернуться и, медленно переставляя ноги, подойти к столу, опустив голову и уставившись в собственные носки, не смея поднять глаз.

А Лу Янь уже поднялся со стула, осторожно пересадив Лин Яня на соседний стул, и сам отступил на полшага, кончики его ушей всё еще горели не успевшим угаснуть румянцем.

— Подними голову, — ровно произнес Лин Янь.

А-Цзо с опаской поднял глаза, сначала быстро скользнул взглядом по своему главе, затем украдкой глянул на стоящего рядом Лу Яня, чье лицо было каким-то неестественным.

И тут же отвел взгляд, выдавив из себя в сторону Лин Яня виноватую улыбку, которая выглядела хуже слез.

□□□

Лин Янь, подперев одной рукой подбородок, другой рассеянно постукивал по столу, его свободно свисающая нога мерно покачивалась, и бубенцы на лодыжке звенели чистым «динь-линь».

Он лениво спросил: — Что ты там говорил? Я не расслышал.

— Нужно... обедать.

Повторил А-Цзо тихо.

— Ах.

Воздух застыл на несколько секунд, пропитанный невыразимой неловкостью.

А-Цзо внезапно что-то вспомнил, поспешно поднял голову, нарушая молчание.

— И еще! Даос (даою) Е Чжицю сказал, что хочет осмотреть нашу школу и просит кого-нибудь проводить.

— ...

Этот щит?

Лин Янь небрежно махнул рукой и бросил небрежное распоряжение:

— Такие мелочи сам решай.

— Есть!

А-Цзо в уме быстренько прикинул —

пусть Лин Янь и проводит, он примерно одного возраста с Е Чжицю, должны найти общий язык.

В этот момент стоящий рядом Лу Янь слегка поклонился Лин Яню с почтительным жестом и сделал вид, что собирается уходить.

Лин Янь нахмурился: — Ты куда?

— Обедать.

Не успели слова слететь с его губ, как юноша, стройный, как бамбук, уже развернулся и ушел.

На стуле Лин Янь провожал взглядом удаляющуюся фигуру Лу Яня.

Когда тот дошел до двери, солнечный свет как раз озарил его плечи, окутав стройный силуэт легким золотистым сиянием, словно спустившийся с небес бессмертный.

Пока эта фигура совсем не скрылась в переплетении света и тени.

А-Цзо украдкой взглянул на своего главу и тихо напомнил: — Глава, нам тоже пора обедать...

Лин Янь не сразу ответил, его взгляд всё еще был прикован к пустому дверному проему, а в голосе слышалась неуверенность: — Как думаешь... он вообще понимает, что я его соблазняю?

— ...

— Если понимает — что-то не видно ответа; если не понимает — каждый раз уши краснеют до корней.

А-Цзо стоял рядом и простодушно почесывал голову.

— По-моему, даос Лу Янь вряд ли понимает. Ему ведь всего шестнадцать, он чист и невинен, как белый лист, и, скорее всего... еще не смыслит в таких делах.

— Ц-ц. — Лин Янь медленно поднялся, и его темные одежды скользнули глубокой тенью. — Видно, стоит еще пару лет подождать.

А-Цзо поспешно закивал, соглашаясь.

Жизнь Лу Яня и правда была размеренной до педантичности — подъем с зарей, медитация (дацзо), завтрак, затем в библиотеку изучать свитки, а после полудня — тренировка с мечом.

Поскольку он всегда был один, Лин Янь иногда присылал А-Цзо в качестве спарринг-партнера.

Так продолжалось целых семь дней.

В этот день Лин Янь снова проспал до полудня, затем нехотя поднялся и неторопливо побрел в библиотеку искать Лу Яня.

Словно ежедневный обход.

Войдя в библиотеку, он не проронил ни слова, просто присел рядом с Лу Янем и, будто лишившись костей, приник к нему.

Лу Янь инстинктивно хотел отстраниться, но его пальцы лишь дрогнули и бессильно опустились. Подумав, что они оба мужчины, к тому же у собеседника действительно холод в теле, он в конце концов позволил этой близости.

Помолчав немного, он достал из холщовой сумки у стула пару деревянных сандалий и поставил их у ног Лин Яня.

Его голос всё такой же холодный, но в нем чувствовалась едва заметная забота.

— Примерь.

Увидев эти сандалии, глаза Лин Яня внезапно засияли, и даже остатки сна развеялись в один миг. Он тут же поспешил их примерить, ступив босой ногой внутрь —

размер оказался точно подходящим.

Он встал и прошелся пару шагов — древесина сандалий была гладкой, не такой твердой, как у обычных.

И сидели на ноге отлично, идти было легко.

Лин Янь в изумлении повернулся к Лу Яню, и в уголках его глаз разлилась улыбка: — Ты сам сделал? Когда? Ты же либо читаешь, либо мечом машешь, откуда время?

Лу Янь взглянул на сидящие впору сандалии и равнодушно ответил: — После тренировки с мечом, урывками.

Он запнулся на мгновение и добавил: — В это время вы либо уже легли, либо ушли шататься неизвестно куда, естественно, не видели.

— Динь-лин-лин —

Лин Янь внезапно вытянул ногу в сторону Лу Яня и слегка качнул ею.

Сандалии идеально облегли ступню, а бубенцы на лодыжке звенели в такт движению. Он приподнял бровь и спросил с улыбкой: — Ну как? Красиво?

— Если на ноге сидит — и хорошо.

— ...

И что это за ответ?

Бестолковый маленький зануда.

Спросили — красиво ли, а он отвечает только о том, впору ли.

Лу Янь, слушая этот звон, почувствовал, как в груди поднимается что-то странное, но не мог понять, откуда оно взялось.

Внезапно вспомнив об искусстве соблазна, о котором упоминал старейшина, он опустил глаза на серебряный бубенец и тихо спросил: — На твоих бубенцах, случайно, не лежит искусство соблазна?

Лин Янь как раз любовался новыми сандалиями и, услышав вопрос, ответил небрежно: — Внутрь — успокаивает ум и очищает душу, наружу — может похитить душу и разум.

— Вот оно что.

Лу Янь слегка кивнул —

значит, то странное чувство в груди, скорее всего, от этих бубенцов.

Даже когда Лин Янь не активировал духовный инструмент и не вливал в него духовную энергию, обычный звон уже мог затронуть струны души.

И правда могущественный духовный инструмент.

Увидев, что взгляд Лу Яня всё еще прикован к бубенцам у его лодыжки, Лин Янь невольно усмехнулся.

Он присел рядом с Лу Янем, повернулся к нему и спросил с игривой ноткой, приподняв уголок глаза: — Что? Даос Лу Янь, может, глаз положил на мой духовный инструмент?

Лу Янь так и не выпустил свиток из рук, сидя на стуле прямо.

Услышав слова Лин Яня, он слегка дрогнул своими длинными ресницами, и на его холодном лице появилось юношеское серьезное выражение.

Он ответил спокойно: — Хороший духовный инструмент, естественно, достоин восхищения.

— Динь-лин —

Раздался чистый звон, и Лин Янь уже протягивал один бубенец прямо к лицу Лу Яня.

Этот бубенец весь источал слабое золотистое свечение, на его поверхности мерцала едва уловимая духовная аура, и в лучах света он выглядел еще более изысканным и необычным.

Лу Янь на мгновение опешил, поднял глаза на Лин Яня: — Это?

— Дарю тебе.

— Ни в коем случае, — тут же отказался Лу Янь. — Как можно просто так дарить такой духовный инструмент?

Лин Янь крутил бубенец в пальцах, улыбаясь.

Этот бубенец действительно был парным духовным инструментом (фаци), но те, что у него на ногах, были лишь подделками — настоящему владельцу просто нравился этот чистый звон, к тому же он мог сбивать с толку противника, поэтому он и носил их.

Он, не слушая возражений, сунул бубенец в руку Лу Яня, затем достал из рукава яркую красную ленту, аккуратно продел ее в отверстие на верхушке бубенца и наклонился, чтобы повязать его на поясе Лу Яня.

Зеленое одеяние, золотой бубенец, красная лента.

Три вещи вместе смотрелись удивительно гармонично.

Лин Янь, любуясь бубенцом, висющим на поясе Лу Яня, приподнял уголок губ в победоносной улыбке — в этом выражении было что-то от тысячетней лисы-оборотня.

В его взгляде, переливающимся, как волны, сама по себе чувствовалась какая-то душу влекущая прелесть.

— Тебе очень идет.

В мире культивации духовные инструменты всегда имели огромное значение, особенно пара бубенцов Лин Яня — они были взаимодополняющими духовными инструментами, и потеря одного из них неизбежно сильно ослабляла их силу.

Лу Янь поднял руку, чтобы снять бубенец с пояса: — Эта вещь слишком ценна, я не могу ее

принять.

Его пальцы только коснулись красной ленты, как их накрыла чья-то рука с отчетливыми костяшками. Лин Янь наклонился, его теплое дыхание почти касалось уха Лу Яня: — Возьми, считай это подарком за деревянные сандалии (муцзи).

— Обычные деревянные сандалии не идут в сравнение с таким духовным инструментом.

Лу Янь сказал это и попытался отвести руку Лин Яня, настаивая на том, чтобы снять бубенец. На этот раз Лин Янь не стал его удерживать, а вместо этого, воспользовавшись моментом, прижал его к столу.

Запах туши и старых книг внезапно стал так близок, Лин Янь оперся руками по бокам от него, опустил голову и тихо рассмеялся, в уголках его глаз разлилась чарующая волна.

— Если ты не хочешь принимать бубенец... тогда мне придется выбрать другой подарок.

Он наклонился ближе, и в его голосе звучал обольстительный смех: — Например... поцеловать тебя.

(От автора: я не смогла найти главу 123□)

<http://bllate.org/book/18456/2007737>